

Обычный человек едва ли способен расколоть собственное сознание на три части, а затем без труда управлять каждой из них. То, что А-Эру удавалось подобное, во многом оставалось заслугой Системы и самой игры.

— Впрочем, ты и сам обладаешь незаурядным талантом, — подал голос Система, зависнув прямо перед его лицом. — Любой другой на твоём месте, даже имея поддержку, давно бы лишился рассудка от такого ментального расщепления.

Находясь в теле Камиллы, А-Эр попросту проигнорировал его слова. Пусть первобытные желания ещё не поглотили его разум окончательно и он все ещё сохранял ясность ума, ему было лень вступать в диалог с Системой.

Он открыл групповой чат и обратился к Сидзуке Годзё — то есть к самому себе:

— Почему ты так рвешься к Рэнъе Карасуме? Даже если бы Система ничего не сказал, ты ведь все равно пошел бы за ним, верно?

Рисковать провалом игры ради встречи с Карасумой — на такое вечно рассудительный Сидзука Годзё пойти не мог. Это выглядело так, словно им овладели чистые эмоции.

Сидзука помедлил с ответом, но вскоре прислал сообщение:

— Прости. Это... моя личная прихоть.

«Ого. Неужели моя так называемая божественная ипостась способна на такое? Пойти на поводу у желаний, которые сам же презираешь, и совершить столь глупый поступок?»

Словно почувствовав, о чем думает его вторая половина, Сидзука мысленно вздохнул:

— Я всего лишь укрупненная грань божественного начала, а не безупречное, лишенное эгоизма и состоящее из одного разума божество.

Впрочем, его божественная суть осквернилась ещё в самом начале — в тот миг, когда точкой его возрождения стали останки проклятого духа.

Камилла негромко рассмеялся:

— А знаешь, ты мне даже начинаешь нравиться. Хотя глупо спорить — в конце концов, ты — это я, а я — это ты.

— Какая-то бессмысленная скороговорка, — отозвался Сидзука.

Это заставило Камиллу развеселиться еще сильнее:

— О, ты уже и язвить научился? Прекрасно, просто чудесно. Продолжай в том же духе.

— Мерзость...

Камилла пропустил его ворчание мимо ушей. Наблюдать за тем, как падает и разлагается его собственная чистая, божественная сторона, доставляло ему невыразимое, почти физическое наслаждение. Не сдерживай его остатки здравого смысла, он бы прямо сейчас слил все три осколка сознания воедино, позволив дикой, звериной натуре Камиллы безраздельно поглотить и Кадзуму Арааки, и Сидзуку Годзё.

В ту же секунду, стоило А-Эру допустить эту мысль, шкала синхронизации с Камиллой — до сих пор колебавшаяся на критически низкой отметке из-за невероятной сложности роли — мгновенно взлетела до ста процентов.

Звериный хаос, рвавшийся наружу и жаждавший устроить резню, тут же усмирил свой нрав. А-Эр открыл почту и отправил письмо в Вооружённое детективное агентство. Он знал, что Осаму Дадзай сейчас занят разговором с другой его ипостасью, поэтому решил не лезть со своими глупостями.

Вместо этого он напрямую поручил агентству позаботиться о детях — его маленьких товарищах по играм — и благополучно доставить их по домам. Заодно А-Эр поинтересовался у Ранпо Эдогавы, где прячется Рэнъя Карасума.

Сам он отыскать этого хитреца не надеялся, но ведь всегда можно переложить заботу на чужие гениальные плечи.

Ранпо Эдогава, как и следовало ожидать, не подвел. Ему хватило лишь пары разрозненных зацепок от А-Эра, чтобы безошибочно вычислить убежище беглеца.

Полученные сведения А-Эр тут же передал Сидзуке. Тот, не теряя ни секунды, устремился по след Карасумы, готовый поставить точку в этой затянувшейся игре.

Сам же А-Эр остался ждать спасателей из агентства. Навстречу ему вышли Ацуши Накадзима и Кёка Идзуми.

Ацуши прекрасно помнил наставления Дадзая и Ранпо: держаться от Камиллы как можно дальше, не разглядывать его лица, а главное — ни в коем случае не смотреть ему в глаза. Слабый духом человек, стоило ему поймать этот взгляд, мгновенно лишался воли и проваливался в безумие.

Оцепенев от страха, юноша шел с низко опущенной головой. Он не смел поднять глаз на А-Эра и лишь вполуха уточнял у него количество спасенных детей.

Его панический вид — Ацуши сейчас больше всего напоминал перепуганного страуса, мечтающего зарыться головой в землю, — лишь раззадорил А-Эра. В нем проснулось излюбленное ребяческое коварство. Он намеренно придвинулся ближе, почти касаясь лица Ацуши своим лицом. Между их соприкоснувшимися предплечьями пробежало мягкое, нежное тепло.

Будучи по природе своей нечеловеческой сущностью, Камилла не испытывал нужды в воздухе, однако в человеческом облике исправно имитировал дыхание. От него не пахло ничем дурным; его дыхание отдавало едва уловимым, чистым ароматом свежескошенной травы. Этот запах кружил голову, увлекая сознание куда-то далеко — на бескрайние, залитые солнцем луга, где мягкий ветер шевелит согретую солнцем землю.

Этот аромат окутывал умиротворяющей, гипнотической силой, и Ацуши, сам того не замечая, приоткрыл глаза.

Перед ним предстало существо, которое Дадзай и Ранпо в один голос называли величайшей угрозой для человечества. Божество улыбалось. Его янтарно-золотые глаза плавились, обращаясь в густой, приторно-сладкий медовый нектар, который медленно капал прямо на лицо Ацуши, оставляя за собой страшные, прожигающие плоть следы. Тварь скалилась. Улыбка его расползалась все шире, пока рот не разорвался в гротескном, безумном полумесяце. Ацуши показалось, что его собственная кожа пузырится и сползает, обнажая багровое сырое мясо, а кровь густеет, превращаясь в липкую жижу...

— Ацуши! — Кёка Идзуми мертвой хваткой вцепилась в его плечо, одним рывком выдергивая напарника из кошмарного наваждения.

Юноша шумно, со свистом глотал воздух, точно сломанные кузнечные мехи, но легкие отказывались слушаться. Горло словно залили клеем. В панике он принялся раздирать собственную шею ногтями, оставляя на коже глубокие, сочащиеся кровью полосы. Сердце испуганной птицей билось о ребра, готовое вот-вот разорвать грудь. Ацуши бился в судорогах, будто выброшенная на сушу рыба, пока Кёка не нанесла несколько резких, отрывистых ударов ладонью ему по груди. Лишь тогда спазм отпустил, и он смог сделать полноценный вдох.

Оправившись от шока, Ацуши уставился на Камиллу с диким, непередаваемым ужасом. Кёка же отреагировала куда жестче — казалось, она была готова броситься вперед и задушить А-Эра собственными руками.

Ее гнев был вполне оправдан. А-Эр действительно увлекся и переступил черту.

И хотя Ацуши уже считался совершеннолетним, Кёке исполнилось всего четыре года до этого возраста — ей было четырнадцать. Она безупречно подпадала под категорию «детей», к которым Камилла испытывал врожденное покровительственное дружелюбие. Именно поэтому

Ранпо отправил ее вместе с Ацуши. Если капризное, ребячливое божество вдруг решит потакать своим жестоким забавам, присутствие хладнокровной и прагматичной девочки должно было остудить его пыл.

Понимая, что действительно виноват, А-Эр виновато почесал затылок:

— Простите-простите, я немного заигрался.

Мысленно он, конечно, свалил всю вину на Сидзуку — мол, это из-за него он так разволновался. Но понимая, что простым «прости» тут не отделаешься, А-Эр решил загладить вину делом.

Он легко обошел выставившую защитный барьер Кёку, прижал зубы к собственному запястью и прокусил кожу. Алая, густая кровь лениво потекла вниз, капая на бледное лицо Ацуши.

Тот попытался отпрянуть, но под пристальным прищуром хищных золотых глаз окаменел, не в силах шевельнуть и пальцем.

А-Эр осторожно размазал каплю крови по его губам, оставив на них яркий, зловещий след, а затем коснулся губами лба юноши.

— Считаю это даром свыше, — прошептал он. — Мое благословение спасет тебя от неминуемой гибели. Но лишь однажды.

Разумеется, кровь истинного бога — опасный яд для смертных. Обычного человека она в мгновение ока превратила бы в бесформенную грудю гниющей плоти. Однако Ацуши обладал феноменальной регенерацией и выносливостью, да и доза была крошечной.

— Теперь ты отмечен мной. Иди и ничего не бойся.

Глядя на безмятежную улыбку А-Эра, Ацуши почувствовал, как к лицу приливает жар. Ему отчаянно хотелось крикнуть: «Да что с тобой не так?!» — еще секунду назад этот монстр заживо сдирает с него кожу в галлюцинациях, а теперь улыбается с такой нежностью! Неужели это пресловутый эффект подвесного моста? Почему его сердце колотится так, словно готово выпрыгнуть из груди?

Он не догадывался, что кровь божества вызывает непреодолимое желание ластиться к хозяину и искать его одобрения. А-Эр лишь забавлялся его растерянностью, зная, что это наваждение бесследно растает, как только юноша вернется в привычную обстановку.

Прежде чем Ацуши успел выдать хоть слово, он почувствовал, как ему в спину вонзились десятки тяжелых, почти осязаемых взглядов. От этого чужого внимания кожа покрылась мурашками.

Обернувшись, он обомлел. В полумраке, подобно безмолвным призракам в тяжелых плащах, стояли Андре Жид и его преданные солдаты. В их глазах горела такая концентрированная смесь зависти, ярости и благоговейного трепета, что они казались выходцами из преисподней. Было очевидно: они готовы разорвать несчастного Ацуши на куски за одну лишь близость к их божеству.

Дикий страх захлестнул Ацуши с головой. Звериное чутье завопило, что если он задержится здесь еще хоть на мгновение, эти фанатики растерзают его на месте. Наскоро пересчитав испуганных детей, он подхватил Кёку и бросился прочь.

— Берегите себя! — весело крикнул им вслед Камилла.

Он дружелюбно помахал рукой, напоследок крикнув, чтобы они обходили стороной зоны с «битыми пикселями» и системным кодом, после чего неторопливо повернулся к молчаливым солдатам во главе с Жидом.

Стоило божеству повернуться, как кошмарные гримасы на лицах наемников мгновенно сменились выражением абсолютной, почти детской преданности и кротости. Останься Ацуши здесь, он наверняка поразился бы такой молниеносной метаморфозе.

А-Эр прекрасно видел эту перемену, но предпочел не заострять внимание. Сейчас его занимали совсем другие вещи.

— Так-так... — Он задумчиво приложил палец к губам, а затем спросил напрямую: — Это вы связались с Рэнъей Карасумой и помогли ему спрятаться?

Андре Жид часто задышал. Его багровые глаза лихорадочно блеснули, словно вскипая от одного лишь звука голоса хозяина, и он с замиранием сердца кивнул.

«Кто бы сомневался», — подумал А-Эр. Удивления он не испытал.

Появление Карасумы в чужом мире не могло пройти бесследно. Пожилой человек, таскающий на руках бесчувственную красавицу, неизбежно привлек бы к себе лишнее внимание.

Однако, если не считать того инцидента в кафе с горничными, в городе царил относительный покой. Из этого следовал единственный вывод: беглецу помогли. Кто-то снабдил его подробной картой и предоставил надежное убежище.

Размышляя над словами Системы о том, что каждый обитатель этого мира втайне является «игроком», А-Эр пришел к любопытной догадке. Другие персонажи тоже могли перемещаться между мирами под видом ролевой игры, просто большинство из них даже не подозревало об этой возможности. Карасума же стал исключением. Соприкоснувшись с душой А-Эра и похитив часть его воспоминаний, он превратился в аномального неигрового персонажа.

Чёрная организация служила ему лишь ширмой. Год за годом он оплетал мир паутиной шпионажа, вживаясь в образ теневого лидера, чтобы изучить законы вселенной и пробиться к ее изнанке.

Разумеется, напрямую явиться сюда он не мог — Система сразу бы забила тревогу, да и встреча с бдительным Камиллой не сулила Карасуме ничего хорошего. Скорее всего, старик вел тайную переписку с местными сообщниками.

Желание Жиды и его уцелевшего воинства отличалось безумной простотой: они жаждали лишь одного — быть поглощенными Камиллой.

Но Камилла не походил на Сакуносукэ Оду, которого они пытались спровоцировать раньше. Оду можно было сломать, лишив его приемных детей, и тем самым вынудить на смертный бой. С этим древним чудовищем подобные трюки не работали. Даже если бы Жид вырезал половину человечества, Камилла не впал бы в ярость и не бросился бы мстить. Ему было попросту все равно.

Чтобы подтолкнуть его к действию, требовалось нечто монументальное. Например, глобальный катаклизм, стирающий грань между реальностью и небытием.

А мир вокруг стремительно рушился. Издалека доносились истошные крики обезумевших людей, с неба хлестал ливень, в котором капли воды причудливо перемешивались со строчками мерцающего программного кода. В самом воздухе завис странный, тоскливый гул — так звучит сломанный радиоприемник, тщетно пытающийся поймать волну в глуши.

А-Эр склонил голову. Пепельно-серые пряди рассыпались по его плечам, приоткрывая сияющие в полумраке золотые глаза. Он смотрел на солдат с мягким, почти нежным одобрением.

Им не удалось запугать его. Но они смогли его развлечь — а для скучающего древнего духа это было ценнее всего.

Они разыграли перед ним поистине захватывающий спектакль.

Если бы на небесах действительно обитали боги, то Камилла, без сомнения, оказался бы самым капризным, безжалостным и извращенным среди них.

Но Жид и его люди, точно мотыльки, летящие на губительный огонь, продолжали заморожено созерцать эти сияющие дикие глаза.

При этом А-Эр прекрасно отдавал себе отчет: они любят не его самого и даже не личность Камиллы. Они влюблены в величественный, беспощадный образ «божества», способного даровать им избавление. Попробуй он отнестись к ним как к равным, заговори с ними по-

человечески — и вся их слепая вера сменилась бы разочарованием и брезгливостью.

Самоубийцы не попадают в рай. Для солдата добровольный уход из жизни — это клеймо трусости и позорного бегства. Они искали священную, карающую десницу высшего существа, которая сокрушила бы их, даруя долгожданный вечный покой.

Любая мука, любая агония на этом пути виделась им высшим благом, священным таинством очищения перед тем, как предстать перед своим создателем.

Иной назвал бы их философию чудовищным безумием. Но А-Эр лишь снисходительно улыбнулся:

— Что ж. Я позволяю это.

Под сенью яростного ливня, где потоки воды смешивались с мертвыми кодами гибнущей реальности, капли на лицах наемников казались слезами облегчения. Лица их исказила гримаса безумного, фанатичного счастья.

— О, господин Камилла...

А-Эр медленно протянул вперед левую руку.

В ту же секунду Сидзука, находившийся на другом конце города, ощутил эту волну чужого благоговения и безумия. Вечно сдержанный, безупречно вежливый юноша не выдержал и мысленно выругался: «Какого черта творит моя вторая половина?!»

<http://bllate.org/book/18335/1760537>